

ДОРОДОВОЙ ПЕРИОД И РОДЫ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНКИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГУБЕРНИЙ)

З.З. МУХИНА¹

Н.Л. ПУШКАРЕВА²

¹⁾ Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Москва

e-mail: mukhina@mail.ru

²⁾ Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

e-mail: pushkarev@mail.ru

В статье рассмотрены обряды и ритуалы дородового периода и родов как часть истории женской крестьянской повседневности Центра России в дореформенную и пореформенную эпоху. Особое внимание уделено историко-этнографическим данным, собранным информаторами Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, выявлена особая роль общесемейной взаимопомощи в деле рождения детей, немалой роли мужа и приглашенных знахарок (повитух), описанию и анализу деталей обрядов и ритуалов, их интерпретации с точки зрения гендерного подхода к истории семьи.

Ключевые слова: женская история, гендерная этнография, крестьянка, роды, ритуалы родинного цикла.

Рождение детей – важнейшая часть жизненного цикла женщины в прошлом и настоящем. Отдельные аспекты этой темы разрабатывались в работах дореволюционных авторов¹. Много сделано и российскими историками и этнографами: отдельные ритуалы описаны в трудах Т.А. Листовой², Д.А. Баранова³, Г.И. Кабаковой⁴. Обрядовой стороне беременности и родов значительное место уделено в монографии А.К. Байбурина⁵, новые этнографические материалы представлены в сборнике «Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры»⁶. Подход историков повседневности и фамилистов обнаруживается в работах В.Ю. Лещенко⁷, В.А. Федорова⁸, К.Э. Шумова и А.В. Черных⁹, свой взгляд предложен и теми, кто реконструирует женскую историю (Н.Л. Пушкарева¹⁰, З.З. Мухина¹¹). Критическое отношение к сохране-

¹ Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // ЖМНП. 1880. № 11. С.68-94; Успенский Д. Родины и крестины: Уход за родильницей и новорожденным // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1895. № 4. С. 71-95; Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. II. СПб., 1893; Максимов А. Несколько слов о куваде // ЭО. 1900. № 1. С.90-105; Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010.

² Листова Т.А. Обычай и обряды, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 2005. С. 500-517.

³ Баранов Д.А. «Незнакомые дети» (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // ЭО. 1998. № 4. С. 110-122.

⁴ Кабакова Г.И. Кувада // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 18-19; Она же. Роженица // Славянские древности... Т. 4. М., 2009. С. 461-463; Она же. Ребенок первый, ребенок последний // Славянские древности... Т. 4. С. 415-416.

⁵ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

⁶ Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001.

⁷ Лещенко В.Ю. Русская семья (XI – XIX вв.). СПб., 2004.

⁸ Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 3-21.

⁹ Шумов К.Э., Черных А.В. Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 175-191.

¹⁰ Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X-XV вв.) // ЭО. 1996. № 6. С. 53-64; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; Она же. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы. Вып. 25. М., 1998. С. 104-124; Она же. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // ЭО. 1999. № 5. С. 47-59; Она же. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе (далее – ЖРО). 2000. № 1. С. 9-24; Она же. Отечественные

нию традиционности даже в буржуазной России просматривается в работах зарубежных авторов¹². Как во всякой многоаспектной научной проблеме, не все попало в поле зрения исследователей, и важный вопрос перемен в повседневности русской крестьянки в пореформенный период (по сравнению с пореформенным) специально не ставился в историографии. А был ли этот разрыв, этот «период перемен»? На этот вопрос и призвана ответить данная работа. Свои наблюдения авторы предполагают основать на материалах, недавно введенных в оборот этнографами¹³ – а именно: охватывающих географически интересующий нас регион.

Не секрет, что к началу «великих реформ» в России основой крестьянской экономики по-прежнему была семейная форма хозяйства, которая строилась на гендерном разделении труда. От числа детей и их здоровья зависела зажиточность семьи. Не только Церковь строго следила за тем, чтобы вся молодежь находила себе спутников жизни, но и крестьянская традиция («Без мужа, что без головы; без жены, что без ума», «Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт»). Вступление в брак рассматривалось как моральный долг перед теми, кто родил и воспитал¹⁴.

Между тем, тяжелый крестьянский труд, вся тогдашняя аграрная экономика с ее низкой продуктивностью, всецело зависевшая от погодных условий и носившая рискованный характер, оказывала прямое влияние на репродуктивную функцию женщины. Высокая детская смертность и ранний уход из жизни считались неизбежностью. Свидетельства информаторов, собиравших данные о жизни крестьян того времени, говорят о стремлении крестьянок родить за время супружества не менее трех сыновей: одного мог забрать Бог в младенчестве, другого – забрать в солдаты (с введением всеобщей воинской повинности и резким сокращением срока службы этот фактор утратил свое значение) и лишь на третьего можно было рассчитывать в старости. В среднем крестьянки центра России во второй половине XIX в. рожали по 7–8 детей, некоторые крестьянки более 10¹⁵.

Русская крестьянская традиция четко разделяла статус молодой женщины без детей и той, что родила хотя бы одного. Вышедшая замуж считалась просто «молодухой», «молодаикой», и положение ее оставалось менее значимым, чем положение замужних с детьми¹⁶. Только с рождением дитяти происходил полный, признанный крестьянским обществом, переход девушки во взрослое состояние.

Жизнь и быт любой женщины в крестьянской семье были подчинены жестким требованиям. Каноны поведения, в том числе в супружестве, имели императивный характер. Рождение первенца в семье ожидалось не только молодыми – всем миром. Это ожидание при однообразном течении деревенской жизни становилось частью женской повседневности, причем не только самой женщины, ее близких, но и всех родных и родственников. Таинство формирования человека в утробе женщины представлялось непознаваемым, рисовалось как арена борьбы добрых и злых сил, тесно увязывалось с моральностью поведения беременной, ее духовной и нравственной

исследования по социологии, истории и этнологии материнства // ЭО. 2001. № 5. С. 91-101; Она же. Сексуальность в частной жизни русской женщины: влияние православного и этнократического гендерных порядков // ЖРО. 2008. № 2. С. 3-17; Она же. «Жену с почину берут»? Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. / ЖРО. 2009. № 2. С. 3-12.

¹¹ Мухина З.З. Обретение социо-культурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 118-127.

¹² The Family in Imperial Russia / Ed. By D.L. Ransel. Urbana, Chicago, London, 1976; Women in Russia / Ed. By D. Atkinson and others. Harvard, 1978; Russian Peasant Women / Ed. by B. Farnsworth, L. Viola. NY-Oxford, 1992.

¹³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). СПб., 2004. Т.1; Т. 2. Ч. 1-2. СПб., 2006; Т. 3. СПб., 2005; Т.5. ч. 1-2. СПб., 2007; Т. 6. СПб., 2008.

¹⁴ РКЖБН. Т.1. С. 465, 467.

¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2007. С. 223.

¹⁶ Мужики и бабы. СПб., 2005. С. 360.

чистотой¹⁷. Сложная структура всей системы с непростой семантикой частей (беременность / роды / послеродовой период) была увязана с социальными ожиданиями и служила основой воспроизводства всех тех гендерных стереотипов, на которых держалась и держится традиционная культура.

Настойчивое стремление подчеркнуть ответственность супругов, но прежде всего самой будущей матери за характер и поведение еще нерожденного ребенка проявлялось в традиции увязывать нравственность супружеских отношений и предполагаемый день зачатия. Не с будущего отца спрашивалось соблюдение запретов, а с будущей матери. Далеко не все дни недели (и ночи между ними) считались допустимыми для интимных отношений, по дню рождения (а именно: дню недели, когда родился ребенок) пытались высчитать, когда супруги совершали греховное действие: считалось, что ребенок, зачатый в воскресенье, рождался тоже в воскресенье, а дети, зачатые в «постные дни» – соответственно, в те же дни недели... Совокупление накануне праздника считалось большим грехом, зачатие в ночь с субботы на воскресенье – плодом похоти. Тем не менее, в любой части крестьянского мира в центре России нравственность матери считалась важным фактором, определяющим будущее рождение. Именно на нее и лишь во вторую очередь на отца новорожденного возлагался груз психологической ответственности за то, каким будет рожденный ею человек. Чтобы усилить предписания, народное православие напоминало молодым, что именно женщина считалась нечистой в день, следующий за супружеским актом. Она не должна была пытаться зайти в церковь, прикасаться к иконам, зажигать лампаду. Но использование женского труда дома отнюдь не сокращалось: молодой не воспрещалось выполнять хозяйственные обязанности.

Будущей матери внушали, что роды при молодом месяце предрекают долгую жизнь ребенку, а коли месяц был на исходе, – «слабым будет»¹⁸. День рождения мальчика рассчитывали сложным образом: от времени начала последних месячных «вперед год без трех месяцев и 10 ден». Абсолютно точным указателем на день родов считалось первое шевеление в утробе («ребенок омывается») – как известно, оно приходится на середину беременности и от него следует отсчитывать 20 недель день в день. Точность в определении дня родов была невелика: первое шевеление ребенка было слабым, мать могла не заметить его, в особенности, если была занята тяжелыми полевыми работами. Да и заметив шевеление, крестьянки большей частью не могли это время запомнить, были слабы в счете¹⁹. Поведение и характер новорожденного увязывались с чертами характера родителей. В поверьях отразилось наивное понимание «проверки» супружеской верности: родившийся мальчик, чтоб быть счастливым, должен был походить отца; девочка – на мать²⁰.

Протекающие в организме женщины физиологические процессы преобразовывались ритуалом в маркеры состояния и статуса. Говорили, что беременная живет в особом мире, между своим и чужим миром, между жизнью и смертью. На поведение будущей матери налагали множество ограничений. Табуирование очерчивало границу ее пространства²¹ как особо уязвимой воздействию злых сил. Часть этих запретов была связана с рациональными мотивами, другие имели иррациональный характер. Если первые были направлены на достижение каких-то практических целей, то иррациональные элементы были обусловлены ценностями символического характера.

Считалось, что беременной можно смотреть только на красивое и нельзя – на уродов, и безобразных, иначе таким же родится и ребенок. Запрещалось смотреть на пожар, на падаль, расчесывать волосы (особенно по пятницам), переступить через коромысло, веревку, выплескивать воду через порог, пить прямо из ведра, трогать

¹⁷ Белоусова Е.А. Предисловие // Родины, дети, повитухи... С. 6.

¹⁸ РКЖБН. Т. 6. С. 413.

¹⁹ Баранов Д.А. Родинный обряд ... С. 11; РКЖБН. Т. 2.2. С. 156.

²⁰ РКЖБН. Т. 2.2. С. 155-156.

²¹ РКЖБН. Т. 2.1. С. 221; Т. 6. С. 290, 366; Т. 2.2. С. 155-156, 365.

ногой кошек, собак или свиней, обмывать покойника и т.д. Подобные запреты бытовали и в других регионах России. Беременным запрещалось присутствовать при чистке колодца (иначе в колодце будет дурная вода), переходить перед кем-то дорогу (у того будут чирьи)²².

Нарушение любого из запретов могло неблагоприятным образом воздействовать на ребенка (приписывались болезни, мучения от изжоги, рвоты, удушья, вшивость, нарывы – вплоть до летального исхода). Иногда спасительной считалась «особая предохранительная молитва», которую следовало «прочитать на ночь, чтобы ошибка не вчинялась в утробу»²³. Никаких запретов отцу будущего ребенка не было предусмотрено, зато мать (по поверьям) рассматривалась как сосуд, носящий будущую жизнь и будущего больного или здорового, нравственного или безнравственного человека. Таким образом, запреты и предписания имели гендерную направленность.

В каждой области существовали (часто, впрочем, повторяющиеся) приметы, позволяющие «определить» пол будущего ребенка²⁴. Чтобы зачать мальчика, женщина после сокоупления должна была лечь на правый бок, девочку – на левый²⁵. Если беременная худела лицом или у нее был острый живот, или выдавался правый бок – ждали мальчика. Полнота лица, широкий живот, выдававшийся левый бок служили указанием на девочку. Подобные «приметы» можно найти и у других славянских народов²⁶.

Часть запретов и предписаний была рациональна. Беременную ограничивали в подъеме тяжестей, за нее старались выполнить работы, требовавшие больших физических нагрузок²⁷. Относились к ней предупредительнее, чем обычно, «кусочек послаще завсегда ей отдавали», иногда это «баловство» выражалось в том, что лишний раз за день ставили самовар или даже «подносили ей стаканчик водки»: считалось, что алкоголь в таких количествах не повредит²⁸. В народе считалось, что отказать в просьбе беременной – грех, ибо того требует душа младенца²⁹.

Если женщине предстояло в скором времени родить, мужа прекращали «учить жен» пинками, их родители могли наставлять сыновей и учить заступаться за беременную жену³⁰. Частая смена настроений беременной, которая могла быть «грозна», считалась извинительной³¹.

Освобождение от тяжелых работ, предупредительность по отношению к беременной имели место далеко не всегда и не везде. Определяющими были хозяйственные соображения, нехватка рабочих рук, особенно в страдную пору. Хозяйственная необходимость стимулировала выработку новых стереотипов поведения, которые демонстрировали определенный разрыв с традицией. В явном виде это большей частью проявлялось в конце беременности и при родах³². Крестьянки могли работать до момента появления «на свет ребенка»³³. Нередко беременные женщины переставали работать только тогда, когда уже не были в состоянии вообще что-либо делать³⁴. Активную позицию беременной женщины Т.Б. Щепанская рассматривает как средство противостояния навязываемой ей традиционной роли роженицы как больной и пассивной³⁵.

²² РКЖБН. Т. 2.1. С. 221; Т. 2.2. С. 155-156, 365; Т. 6. С. 290, 366.

²³ См.: Соболев А.Н. Указ. соч. С. 42-43.

²⁴ См.: РКЖБН. Т. 5.1. С. 530.

²⁵ РКЖБН. Т.1. С. 283.

²⁶ Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы / под ред. Н.Н.Грацианской, А.Н. Кожановского. М., 1997. С. 10, 28; 46). С. 35-47.

²⁷ См.: РКЖБН. Т. 6. С. 366; Т. 1. С. 473; Т. 2. 2. С. 155, 307; Т. 5.2. С. 45, 361.

²⁸ РКЖБН. Т. 1. С. 251.

²⁹ См.: РКЖБН. Т. 2.2 С. 365; Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 263.

³⁰ РКЖБН. Т. 5.3. С. 488.

³¹ Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 5.

³² РКЖБН. Т. 3. С. 44, 318, 434; . РКЖБН. Т. 1. С. 234, 473; Т. 2.2. С. 365.

³³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 970. Л. 2; Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 31-32.

³⁴ РКЖБН. Т. 1. С. 234, 473; Т. 3. С. 318.

³⁵ Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 3. С. 401.

Предупредительные и лечебные меры при уходе за беременной могли заключаться в регулярном «отдыхе на печи» в последний месяц до родов: раз-два в неделю ее сажали в печку и парили венником живот, полагая, что этим облегчаются будущие роды и уменьшаются боли в спине³⁶.

Актуализацию приобрело место родов³⁷. Его отмеченность, выделенность были обусловлены маргинальностью положения роженицы, находившейся между обычным и потусторонним миром. Д.А. Баранов считает, что пространственная характеристика места родов «вскрывает глубинный смысл обряда и мотивацию его участников»³⁸: не случайно, местом для родов выбирались баня, клеть, хлев³⁹, отдаленные помещения в доме (если имелись), место родов имело сакральный смысл⁴⁰. Все это ассоциировалось с периферией освоенного пространства, на границе «своего» и «чужого». Зимой роды нередко проходили в прохладе (в сенях).

Принимала роды обладавшая соответствующими учениями женщина – повитуха (бабка, бабушка, повивалка, повивальная бабка, бабка-пупорезка)⁴¹, лишь ей (помимо родной матери) дозволялось находиться в особом пространстве роженицы без вреда для нее⁴². Вот почему в этой части России женщины часто уходили рожать первого ребенка в родительский дом⁴³, особенно в зажиточных и больших семьях, где не так остро стоял вопрос о нехватке рабочих рук.

Неясность и опасность родов как события в жизни женщины, маргинальное положение роженицы между «своим» и «чужим» миром подчеркивалось тем, что перед родами женщина прощалась с родными⁴⁴. Никто не знал, пройдут ли роды благополучно, останутся ли в живых ребенок и мать. Рождение первенца считалось опасным для роженицы еще и потому, что в случае ее смерти ее имущество и приданое жены возвращалось в дом ее родителей. Обычно беременная возвращалась в родительский дом недели за две до родов, дня за три до них прекращала работать. Обратившись в дом мужа она возвращалась уже с ребенком через четыре-шесть недель после родов. При родах в доме мужа она бралась за работу раньше, через два-семь дней, родные же (мать с отцом) берегли дочку, и первый раз все старались рожать в родном доме⁴⁵.

Ритуал этот, культивировавшийся веками, мог быть основательно нарушен, когда верх брали экономические соображения. Эти явления получили широкое распространение в пореформенную эпоху, когда мужчины уходили на заработки в города, и основная тяжесть работ по хозяйству ложилась на плечи женщин. Нормой стали роды (если приходились на лето) в поле, в лесу, на сенокосе⁴⁶. Даже почувствовав первые схватки, женщины старались не подавать виду и продолжали жать, складывать снопы, накладывать навоз, выполнять другие тяжелые работы. Они продолжали трудиться, пока хватало сил, и едва успевали вернуться домой⁴⁷. «С брюхом ходить – смерть на вороту носить», – говорили в народе, полагая, что беременная может быть причиной сглаза, порчи, оговора. Считалось, что роженице предстояло «отмучиться» за каждого, кто узнает о времени родов. Поэтому женщины обычно тянули до последнего, стараясь чтобы никто не знал о начале родов⁴⁸.

³⁶ РКЖБН. Т. 3. С. 507.

³⁷ См.: Байбурин А.К. Указ. соч. С. 91.

³⁸ Баранов Д.А. Указ. соч. С. 14.

³⁹ АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 39. Л. 7; Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 16; Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 19.

⁴⁰ РКЖБН. Т. 5.4. С. 158.

⁴¹ РКЖБН. Т. 5.3. С. 376; Т. 2.1. С. 219; Т. 5.2. С. 564; Мужики и бабы... С. 457.

⁴² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. Рязань, 2010. С. 378.

⁴³ Быт великорусских крестьян... С. 263.

⁴⁴ См.: Степанов В. Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губ. // ЭО. 1906. № 3-4. С. 225; Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899 г. Вып. 1-2. С. 54-131.

⁴⁵ РКЖБН. Т. 5.4 С. 158.

⁴⁶ Быт великорусских крестьян... С. 263.

⁴⁷ См.: РКЖБН. Т. 1. С. 234, 473; Т. 2.2. С. 365, 434; Т. 3. С. 318.

⁴⁸ См.: РКЖБН. Т. 1. С. 251; Т. 3. С. 44, 434.

Саму беременность женщины переносили, как и ныне, по-разному. Чаще всего это время связывалось с болью, с ожиданием ее, считалось, что мучения будут тяжелее, если кто-либо «лишний» узнал о родах: тогда роженице предстояло отмучиться за каждый волосок узнавшей. Чтобы нейтрализовать случившееся, следовало расплести коосу той, что вызнала день, расчесать ей волосы и распустить их⁴⁹. В таинство дня родов иногда могла быть посвящена свекровь⁵⁰, реже – другие женщины, которые помогали в отсутствие повитухи принять и обмыть ребенка. Иногда во время родов присутствовал и муж. Все остальные под разными предлогами, особенно дети, изгонялись.

Обязанности повитухи в русской деревне мог исполнить и мужчина, если он был многодетным. Если в доме было, кому помочь роженице, муж обычно уходил из дома, если же нет – оставался и помогал сам⁵¹, особенно, если роды случались вне дома в поле или в лесу⁵². Повитушество было профессией, требовавшей определенных навыков и практики⁵³. Имеются сообщения корреспондентов Этнографического бюро, что крестьянские повитухи часто были полными невеждами, и их невежество было причиной несчастных случаев⁵⁴. Этим Россия сильно отличалась от стран Европы, где (особенно в странах Австрийской империи) повитухи должны были сдать экзамен перед особой комиссией⁵⁵.

Необходимым условием благополучного исхода родов считалось молчание (запрет на говорение). Молчание указывало на близость иному миру, тогда как говорение – было признаком мира людей⁵⁶. Во время родов, иной раз, роженица корила мужа («Никогда больше не допущу к себе своего пса!», «Уж никогда не стану давать тебе, проклятому блядуну, никогда, никогда!»), это считалось верным «признаком» того, что роженица была ему неверна⁵⁷.

Весьма значимым был круг обрядов рождения, в котором роды являлись символическим освобождением от содержимого, о роженице говорили «растряслась», «распуталась», «развязалась», а рождение ребенка представлялось «развязыванием» лона роженицы⁵⁸. Для интенсификации процесса родов старались произвести символическое расширение пространства и устранение разного рода препятствий. С мотивом «развязывания» лона корреспондировали другие действия того же смыслового ряда: развязывание узлов, расстегивание ворота рубашки и вообще пуговиц на одежде, снятие поясов, вынимание печной заслонки, выдвигание ящиков, открывание крышек сундуков, отпираание замков, расплетание роженице кос, снятие с нее колец и сережек, открытие ворот при овине, входа в подпол. Во время трудных родов обращались к священнику с просьбой открыть Царские Врата⁵⁹ и зажигали венчальные свечи, стреляли из ружья (дабы младенец столь же быстро вышел из утробы, как заряд из ружья)⁶⁰. Считалось правильным, если «при родах был муж и держал бы жену и говорил бы ей ласковые речи»⁶¹.

В крайних случаях повитуха сажала роженицу в жаркую печь, чтобы распарить, размягнуть ее тело⁶². На Вологодчине считалось, что иные повитухи способны

⁴⁹ РКЖБН. Т. 2.1. С. 219; Т. 5.2. С. 565; Т. 6. С. 413; Т. 3. С. 44-45.

⁵⁰ Лебедев Н. Указ. соч. С. 183.

⁵¹ РКЖБН. Т. 6. С. 412.

⁵² АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 52. Л. 2–7; РКЖБН. 5.3. С. 376.

⁵³ См.: Курские губернские ведомости. 1870. № 57.

⁵⁴ РКЖБН. Т. 2.1. С. 219, 466; Т. 3. С. 45.

⁵⁵ Рождение ребенка в обычаях и обрядах... С. 30.

⁵⁶ Байбурун А.К. Указ. соч. С. 92.

⁵⁷ РКЖБН. Т. 1. С. 91; Т. 6. С. 290; Т. 5.3. С. 185.

⁵⁸ Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи... С.67.

⁵⁹ РКЖБН. Т. 6. С. 290; Т. 5.4. С. 158; 5.3. С. 376; Успенский Д.И. Указ. соч. С. 73.

⁶⁰ РКЖБН. Т. 1. С. 91, 251, 283; Т. 2.1. С. 218-222, 466; Т. 6. С. 184; Т. 2.2. С. 366; Т. 5.2. С. 45, 564-569; Т. 3. С. 44-45, 266-267.

⁶¹ РКЖБН. Т. 6. С. 290; 5.3. С. 376.

⁶² РКЖБН. Т. 1. С. 91, 251, 283; Т. 2.1. С. 218-222, 466; Т. 2.2. С. 366; Т. 3. С. 44-45; Т. 5.1. С. 531; Т. 5.2. С. 45, 564-569, 633; Т. 6. С. 184.

передать мужу родовые муки его жены-роженицы. Обрядовая практика имитации родовых мук мужем (кувада) имела широкое распространение⁶³.

Присутствие мужа при родах предполагало его деятельное участие: он держал жену за подмышки, встряхивал, поил жену изо рта, «наподобие голубя», иногда считалось важным несколько раз переступить через ее ноги, читая молитвы или «через брошенный на пол пояс»⁶⁴. В ряде областей мужу полагалось трижды проползти между ног рожавшей супруги⁶⁵. При тяжелых родах мужа просили лечь на пол, чтобы роженица переступила через него⁶⁶. Иногда «муж разделял муки жены, подражая ее стонам», иные в таких столах за жену «бледнели "как полотно"»⁶⁷. Среди бытовавших имитаций мужских родов встречался и такой ритуал: супруга рожавшей привязывали за «нежное место» к ложу роженицы. Когда начинала стонать роженица, «бабка», сидевшая рядом с нею, подергивала нитку, что «вызывало невольные стоны у мужчины»⁶⁸.

Ряд действий повитух и всех помогавших при родах выглядел варварским. Повитухи пугали рожениц, подвешивали их за подмышки⁶⁹ на рушнике, прикрепленном к потолку, или держали в наклоне стоя (вниз головой); заставляли «плясать и прыгать с лавки»; иные повитухи еще и запихивали в рот роженице ее собственные косы, пальцы, хлебные шарики («закатать в хлеб трех вшей с трех голов»). Случалось, что по вине повитух роженицы мучились по несколько суток⁷⁰. Чаще всего рожали все же лежа, реже – полустоя, поддерживаемые под подмышки⁷¹. Большей же частью повитуха помогала разглаживанием поясницы роженицы, растиранием ее тела, шептала заговоры. После родов и выхода детского места повитуха массировала роженицу низ живота с заговором: «Как эта постелька лежит в рабе Божьей (имя), так бы в рабе Божьей (имя) стоял бы золотник (родовые органы), он бы с боку на бок не ворочался, не ломил бы он ни заднего прохода, ни передняго!»⁷².

Пуповину перевязывали крепкой ниткой⁷³. Если женщина рожала где-нибудь в поле на работе, пуповину перекусывали, перевязав «волосами из своей косы», льняной ниткой (всегда бывшей для того наготове на шее). Половая дифференциация в латентной форме присутствовала даже в этот момент: учитывалось чью пуповину обрезают: девочки или мальчика⁷⁴. Второе по значимости после пола значение придавалось месту ребенка среди других детей, особый статус имели первенцы (первцы, первыши) и последние (мезеньки, мизинцы). Им приписывались магические свойства⁷⁵.

Нередко повитуха «доделывала» младенца⁷⁶, могла вправить грыжу, вывих. Если у ребенка была длинная голова, сжимала ее, дабы придать «круглую форму»⁷⁷; то же самое проделывала она «с носом, сжимая ноздри, чтобы они не были слишком плоскими и широкими»⁷⁸.

Даже в пореформенное время повитуха виделась посредницей между своим и чужим миром. Омовение ею ребенка после рождения имело не только гигиенический, но и очистительно-обережный характер (с дитя смывалось все принадлежавшее

⁶³ См.: Максимов А. Указ. соч. С. 90-105.; Кабакова Г.И. Кувада... С. 18.

⁶⁴ Быт великорусских крестьян... С. 264.

⁶⁵ РКЖБН. Т. 5.2. С. 565; РКЖБН. Т. 6. С. 411; Успенский Д.И. Указ. соч. С. 72.

⁶⁶ АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.

⁶⁷ Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 4, 369-370.

⁶⁸ Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 370.

⁶⁹ РКЖБН. Т. 3. С. 45.

⁷⁰ РКЖБН. 5.3. С. 376; Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 34; РКЖБН. Т. 1. С. 234.

⁷¹ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 72; Семенова-Тян-Шанская О. Указ. соч. С. 34-35.

⁷² РКЖБН. 5.3. С. 376; РКЖБН. Т. 2.1. С. 466; РКЖБН. Т. 5.2. С. 566.

⁷³ РКЖБН. Т. 1. С. 91, 234; РКЖБН. Т. 2.1. 220, 222; РКЖБН. Т. 5.1. С. 531.

⁷⁴ См.: Зеленин Д.В. Указ. соч. С. 320-321, 324.

⁷⁵ Кабакова Г.И. Ребенок первый... С. 415-416.

⁷⁶ Байбурун А.К. Указ. соч. С.175.

⁷⁷ См.: РКЖБН. Т. 6. С. 45, 290, 412; РКЖБН. Т. 5.4. С. 476.

⁷⁸ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 321.

нечеловеческому миру⁷⁹). Первое купание совершала повитуха, даже если мать была опытна⁸⁰. Если ребенок рождался в поле, трудно было соблюсти обряд купания, некому было над ним прочесть и очистительную молитву.

Помощь повитух при родах не ограничивалась заговорами. При маточных кровотечениях давали настой золототысячника, подорожника, зверобоя, аниса, крапивного корня, корня земляники, сваренного на вине, настой на вине дикой рябины, калгана, сок портулака, редьки, отвар полевого хвоща, тыквенных семян и белого донника. При выпадении матки употребляли отвар корня крапивы и травы тягун. При тяжелых родах и слабости родовых потуг распространенным средством была спорынья, настой на воде или водке лугового прострела, сок петрушки и отвар чернобыльника. После родов «для поднятия сил» поили квасом, квасом с солодом, редькой, могли дать и стаканчик водки, настоянной на калгане (желтой лапчатки, относимой к семейству имбирных)⁸¹.

В пореформенное время все большее распространение получало принятие родов профессиональными акушерками⁸². Молодое поколение охотно обращалось к ним за квалифицированной медицинской помощью, а не к сельским повитухам. Но даже в 1914 г. только около 2% родов было принято профессиональными врачами⁸³.

Анализ послеродового периода не входит в задачи авторов данной статьи. Они стремились показать на анализе родового периода, как сложная система представлений о беременности и родах (порой не цельная, непоследовательная, содержащая разнородные элементы, которые входили в противоречие друг с другом) служила усвоению материнской мотивации, воспроизводимой в процессе социального воспитания из поколения в поколение. Очевидно, что в любом обществе в процессе его развития происходят изменения модели материнства, соответствующие изменению в самих общественных отношениях. Казалось бы, в стремительно развивавшейся экономически пореформенной России повседневность деревни должна была оказаться более «подвижной» в социальном смысле. Но этого не произошло. Изменения были, но были малозаметными. Материнство занимало важнейшее место в иерархии ценностей женщин, роды были делом опасным, родовспоможение не слишком развитым, а многопоколенные семьи, как встарь, обеспечивали женщинам, по сути, необходимую социальную и психологическую помощь женщине, носимому ею ребенку, супругам, семье.

PRENATAL PERIOD IN THE LIFE OF A PESANT WOMAN IN POST-REFORM RUSSIA (MAINLY CENTRAL PROVINCES)

Z.Z. MUKHINA¹

N.I. PUSHKAREVA²

¹Stary Technological Institute named after AA Ugarov (branch) National Research Technological University «MISA», Moscow

e-mail: mukhiny@mail.ru

²Institute Ethnology and Anthropology RAS, Moscow

e-mail: pushkarev@mail.ru

The article deals with the rites and rituals of the prenatal period and delivery as part of the history of peasant women's everyday life in Russia Center for the pre-reform and post-reform era. Particular attention is paid to historical and ethnographic data collected by the informants of the Ethnographic Bureau of Prince. V.N.Tenisheva, revealed a special role in the family mutual birth, not least the role of husband and invited znaharok (midwives), description and analysis of parts of rites and rituals, their interpretation in terms of gender-based approach to family history.

Key words: women's history, gender, ethnography, peasant woman, pregnancy, peasant midwifery, childbirth, the rituals of childbirth cycle.

⁷⁹ См.: Семенова-Гян-Шанская О. Указ. соч. С. 36.

⁸⁰ Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи... С. 73.

⁸¹ См.: РКЖБН. Т. 6. С. 412; Т. 5:2. С. 566; Т. 5:3. С. 376; Попов Г. Указ. соч. С. 366-367; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 52. Л. 2-7.

⁸² РКЖБН. Т. 2:1. С. 465; Т. 5:2. С. 633; Т. 3. С. 267.

⁸³ РКЖБН. Т. 5:3. С. 248; РКЖБН. Т. 1. С. 91; Ramer S.C. Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Russian Countryside // The Family in Imperial Russia / Ed. By D.L.Ransel. Urbana, 1976. P. 218-235.